

ИНТЕРВЬЮ С ВЛАДИМИРОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ ПОНОМАРЕНКО

Имя Владимира Александровича Пономаренко, одного из ведущих отечественных психологов, доктора медицинских наук, профессора, академика РАО, генерал-майора медицинской службы широко известно в современной психологии. Владимир Александрович был одним из активных участников создания Института психологии Российской академии наук, оказывая ему неизменную поддержку в непростые периоды жизни.

Приводим интервью с Владимиром Александровичем, которое он дал нашему журналу в преддверии своего 85-летия.

Владимир Александрович, как у Вас возник интерес к психологии? С чего всё начиналось?

Надо начать со студенческого периода, когда я учился во 2-ом Московском государственном медицинском институте, который в то время носил имя И.В. Сталина (ныне Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова – прим. ред.). Сначала, на первом курсе, мне не нравилось учиться. Но потом стало интереснее, особенно когда нас, студентов, стали допускать до больных. Приходит на осмотр больной, я начинаю его спрашивать: «Как живём? Как дела? Как семья?» и постепенно перехожу к медицинским вопросам. Вижу,

что больной уже не волнуется, чувствует себя спокойнее и мне легко убедить его, что всё будет хорошо. О чём хочу сказать: я нащупал радость – психологию человека. В этом мне очень помогли занятия актёрским мастерством в художественной самодеятельности, ведь театр обращён, прежде всего, к человеку, его психике.

В 1954 году, после завершения 4-го курса обучения меня призвали на военную службу и перевели на военно-медицинский факультет Саратовского медицинского института. Запомнилась беседа с подполковником, который занимался этим переводом. Я ему говорю: «Не хочу быть военным, мне это не нравится, да и характер у меня с норовом!». Он отвечает: «Очень хорошо, теперь мы знаем, кого воспитывать». И я поехал в Саратов. На шестом курсе отправили в авиационную часть для стажировки. Когда приехал, авиационный врач части сказал мне, что уходит в отпуск и добавил: «Работайте!». В части служили военные лётчики, которые вернулись из Германии. Решили проверить меня на устойчивость. Посадили играть в шахматы с асом, Героем Советского Союза. Он убирает с доски все мои фигуры, кроме короля, и начинает его «гонять» по всей доске. Все смотрят, смеются. Ладно, проверку выдержал.

Начались полёты, надо проводить предполётный медицинский осмотр, отслеживать у лётчиков пульс, дыхание и т.д. Я смотрю на лётчиков и пытаюсь прочувствовать их – о чём они думают перед полётом, что для них главное? Конечно, лётчики понимают, что каждый полёт связан с риском: и полётное задание сложное, и погода может быть плохой. Но они всякий раз стремятся в полёт! Мне удалось получить разрешение на полёты в кабине военного истребителя вместе с лётчиком. Я видел, как изменяются эти люди в полёте, как некоторые из них становятся просто счастливыми. Я осознал, что если я – авиационный врач, то должен знать что-то помимо того, чему меня учили в институтах и что вычитал в книгах. И это что-то связано с психологией лётчика.

Владимир Александрович, в своих научных публикациях Вы называете лётчиков небожителями. Почему?

В многочисленных беседах с лётчиками я убедился, как сильно они любят летать, как для них это важно. Не раз задумывался, что же их больше всего интересует? И только много лет спустя стал понимать, что это люди неба. Это не просто лётчики, у них формируется новая идеология жизни. Когда лётчик в полёте видит небо, землю, солнце, он ощущает огромную скорость, а самое главное – он вверху, высоко над Землёй! И он счастлив – это же ты летишь! Чувствуешь самолёт как себя! Это твой самолёт, это тебе доверяют! Лётчик начинает осознавать: он осваивает и делает то, что не могут освоить и делать люди на земле. И вот этот момент – всё-таки я выше, всё-таки летаю, чувствую то, что не могут чувствовать люди на земле – связан с формированием у лётчика новой идеологии жизни. И ещё один момент: я стал замечать, что лётчики упоминают, будто есть кто-то, кто им помогает в полёте; то есть, в этой идеологии ней есть чуть-чуть религии.

Владимир Александрович, помимо квалификации, для лётчика всё-таки важна и доля удачи. Как Вы можете объяснить, почему одному человеку везет, а другому – нет?

Это глубокий вопрос. Можно привести много примеров, когда лётчик благополучно выходил из казалось бы безнадёжной ситуации. Приведу только один случай. В полёте в горной местности на самолёте МИГ-21 остановился двигатель. Лётчик, действуя по инструкции, стал перезапускать отказавший двигатель. Несколько раз нажимал на кнопку перезапуска – двигатель не запускался. Посмотрел на указатель высоты, а она уже ниже уровня безопасного катапультирования, значит катапультироваться поздно. Что делать? И лётчик решил перезапустить двигатель ещё раз, нажал на кнопку перезапуска и...двигатель запустился! Полёт завершился благополучно. Вот такие случаи иногда решают судьбу лётчика.

Везёт? Да, везёт. Но в этом везении проявляется профессионализм, основанный на понимании лётчиком причин происходящих в полёте событий, прогнозировании дальнейшего развития обстановки, и что важно, на уверенности в собственных возможностях справиться с критической ситуацией. Вопрос «а если что-то случится?» появляется ещё на земле, при подготовке к полётам. Может возникнуть страх. Лётчик «прокручивает» в голове свои действия в критических ситуациях: «я сделаю это, потом вот это и т.д.». отрабатывает эти действия на тренажёре и создаёт готовность к преодолению угроз. Уже в полётах он, сначала впервые, а потом раз за разом справляется с возникающими сложностями и вдруг в какой-то момент ощущает лёгкость в действиях. Образ полёта, прогнозирование позволяют лётчику действовать с упреждением, идти впереди событий, а не просто реагировать на них. Лётчик вырабатывает способность мгновенного понимания траектории полёта, выбирает единственно правильное действие по выводу самолёт в нужный режим.

Обретение лётчиком профессионализма связано с достижением требуемого результата, гарантированным выполнением полётного задания. Успешное выполнение сложного полётного задания изменяет личность лётчика, способствует развитию у него психологии победителя. Но здесь есть и опасность проявления самоуверенности. Например, на учениях надо провести атаку наземной цели. Каждый лётчик стремится выполнить это задание. Для этого он должен выйти в заданную точку воздушного пространства и на определенной высоте произвести по цели пуск средств поражения. Но при подходе к заданной точке метеоусловия неожиданно ухудшаются: сильный боковой ветер начинает сносить самолёт в сторону от требуемого курса, дождь затрудняет внекабинный обзор. Возникает реальная возможность невыхода в заданную точку и срыва полётного задания. С одной стороны, лётчик может оказаться неподготовленным к непредвиденному усложнению метеоусловий и

понимает, что надо возвращаться на аэродром, а с другой, – очень хочется дотянуть до заданной точки за счёт маневрирования на предельно допустимой высоте и скорости полёта, чтобы поразить наземную цель. При недостаточной лётной подготовке вот это «хочется» и есть проявление самоуверенности, которая может привести не только к срыву полётного задания, но и лётному происшествию.

Владимир Александрович, что побудило Вас к научным исследованиям профессии военного лётчика?

С чего началось мое желание заняться научными исследованиями? Многие лётчики попадали в очень сложные, критические ситуации в полёте, но успешно выходили их них. Возник вопрос: как им это удавалось? Я начал изучать их биографии и понял, что нельзя ограничиться только знаниями медицины. Надо было принимать во внимание и психологию лётчика, и влияние факторов полёта – ускорений, вибраций и др. – на организм и личность лётчика, и требования полётного задания, и особенности летного обучения, и характеристики самолёта и ещё целый ряд факторов. Желание понять и привести эти факторы в систему привело меня к решению поступить в 1962 году в адъюнктуру Государственного научно-исследовательского испытательного института авиационной и космической медицины Министерства обороны СССР (ныне Научно-исследовательский центр авиационной, космической медицины и военной эргономики ЦНИИ ВВС Министерства обороны России – прим. ред.). Так началась моя жизнь в науке. Я поставил перед собой главные задачи: как формируется лётчик-профессионал? Как согласовать его возможности с характеристиками самолёта? Решение этих задач потребовало проведения теоретических и экспериментальных исследований не только в лабораториях, на различных динамических стендах, пилотажных тренажёрах, но и в реальных полётах. Был создан крупный научный отдел,

в котором работали авиационные врачи, психологи, физиологи, инженеры. Не буду хвастаться, но отдел был очень сильный. Оформилось новое научно-прикладное направление – авиационная инженерная психология. Могу с гордостью сказать, что результаты наших исследований были воплощены в самолётах 4-го поколения МИГ-29, СУ-27 и других летательных аппаратах.

Владимир Александрович, Институт психологии РАН отмечает своё 45-летие и 90-летие со дня рождения его организатора и первого директора Б.Ф. Ломова. Что Вы хотели бы пожелать Институту психологии?

Институт авиационной и космической медицины всегда активно сотрудничал с Институтом психологии, его руководителями и сотрудниками. Конечно, особая роль в становлении и развитии этого сотрудничества принадлежала Б.Ф. Ломову – выдающимся учёным и организатором науки. Меня связывали с Борисом Фёдоровичем многие годы совместной работы, научные обсуждения и планы, общие исследования и публикации.

Моё пожелание. Мы живём в мире техники и технологий, которые становятся всё более умными. И вот техника начинает подчинять себе человека. Например, автоматика вытесняет летчика от непосредственного управления самолётом. С этим нельзя согласиться. Техника должна подчиняться человеку, а не наоборот. Ещё в 70-е годы прошлого столетия мною, совместно с Б.Ф. Ломовым и Н.Д. Заваловой, был сформулирован принцип активного оператора, который утверждал верховенство человека над автоматикой. Этот принцип хорошо согласуется с принятым в Институте психологии РАН положением о человеке как субъекте деятельности. Психологическая наука и психологи должны и далее утверждать руководящую роль человека, профессионала во взаимодействии с техникой.

Интервью провели А.А. Обознов и Ю.В. Бессонова

Библиографическая ссылка на статью:

Интервью с Владимиром Александровичем Пономаренко // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 4. С.202-208.

Адрес статьи:

<http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document276.docx>